

А. Князьков и А. Кизеветтер

Пасха в Московской Руси

Вифлеемская звезда. Рождество и Пасха в стихах и прозе: Сборник

М., "Детская литература", 1993.

Шумно и разгульно проводилась в старой Руси масленица. Это были дни "великого бесчиния, объедения и пьянства", как жаловались церковные проповедники, поучая свою паству. Но в прощенный день, то есть последнее воскресенье перед постом, прекращалось "бесчинье". Наступали дни Великого поста, дни покаяния и воздержания. Готовясь к этим дням, в старину родные и знакомые посещали один другого, кланялись друг другу в ноги и "прощались".

-- Прости меня, Христа ради! -- говорил один, кланяясь в землю.

-- Бог тебя простит, ты меня прости! -- отвечал другой тоже с поклоном.

После обедни в это воскресенье все ездили по церквам и монастырям -- "прощаться" с гробами усопших родных.

К вечеру прощеного воскресенья затихала старая Русь. На вечерне уже читались великопостные покаянные молитвы. С понедельника Великого поста наступали дни воздержания. Те же самые люди, которые "безмерным питием и ядением" во время масленицы навлекали на себя суровое порицание пастырей церкви, Великим постом питались только одним кусочком хлеба с солью да водой в день. Были постники, которые разрешали себе принимать пищу Великим постом не более двух раз в неделю, молились неустанно и предавались благочестивым размышлениям да делам благотворительности. Все сидели по домам.

Старые русские города и вообще-то засыпали рано, а постом уличная жизнь затихала с шести-семи часов вечера. Только на субботу и воскресенье несколько оживлялась тогдашняя общественность, да и то ходили в гости друг к другу лишь близкие родственники, поздравить отговевшего с принятием святых Тайн. Причастнику приносили обыкновенно "укрух", то есть кусок хлеба, а на самом деле сладкий хлеб, убранный вареными в сахаре фруктами, и другие фруктовые лакомства -- сухие груши, изюм, финики.

Лакомства назначались обыкновенно для детей. Посылками со сладостями пересылались из дома в дом все родные, и, надо думать, сласти очень смягчали тягость поста для тогдашних детей, от которых требовались почти такие же подвиги воздержания, как и от взрослых.

Но вот проходили первые недели поста, наступал его перелом -- среда четвертой недели. Редкая нянюшка не скажет, бывало, под эту среду своему питомцу, укладывая его спать:

-- Не спи, родной, крепко: сегодня пост ломается. Вот среди ночи так-то и треснет. Громко таково!..

Таращит ребенок слипающиеся от сна глаза, ожидая услышать перелом, да нет -- где уж, молодой сон крепок, а наутро та же нянюшка смеется, что проспал ее питомец и не слышал, как громко треснул пост.

Вот миновала и четвертая неделя, прошел праздник Благовещенья, на который значительно облегчались тягости поста -- можно был > есть рыбу, а то ведь весь пост жили капустой, грибами да и то еще не каждый день разрешалось постное масло и горячая пища.

-- Завтра Благовещенье, ребята,-- поучал, бывало, какой-нибудь старый дед,-- смотрите, каков-то будет день, солнечный ли, веселый ли: каково Благовещенье, такова и Пасха.

В день Благовещенья оживали шумом и весельем улицы старых русских городов. Всякий считал своей обязанностью выпустить в этот день хоть одну птичку на волю. Много уж их прилетело с далекого юга, да не всегда эти прилеты бывали ко времени.

Климат русской равнины капризен. После весенних теплых дней начала марта часто заворачивают к середине его и к двадцатым числам хорошие морозы. Ослабевшие от далекого перелета мелкие пташки валяются на подмерзшие поля и дороги -- только подбирай их. Ребятишки заботливо разыскивают озябших птиц, берут их руками, не отказывают себе в удовольствии наловить их силками и западнями.

Добычу несут домой, отогревают, кормят, а в Благовещенье непременно выпускают на волю, навстречу все теплее и теплее греющим солнечным лучам.

Если кто из ребят и пожалеет, не выпустит понравившуюся птицу, то это сделают за него старшие, коли не удастся переупрямить упряма и заставить его самого исполнить старый обычай.

В день Благовещенья целые стаи освобожденных пернатых пленников поднимаются к синему небу, воздух наполнен чириканьем и плеском крыльев. Солнце пригревает, пригорки уже обнажились из-под снега, журчит талая вода, весна идет, несет тепло и

веселье, зелень, свет.

Скоро и Пасха. Вот уже наступило Вербное воскресенье. В старой Москве в этот день справлялось особое торжество: "Хождение на осляти". Оно воспроизводило торжественный вход Христа в Иерусалим. Толпы народа собирались в воскресенье в Кремль, к соборам. Из Успенского собора выносили большое дерево, увешанное яблоками, изюмом, смоквами, финиками, ставили его на сани и тихо везли по Кремлю. Под деревом стояли пятеро мальчиков-певчих, одетых в белые кафтаны, и пели молитвы.

От дворца до Василия Блаженного на площади устанавливали аллеей по обе стороны зеленые кадки с воткнутыми в них вербами. После ранней обедни царь в выходной одежде, сопровождаемый патриархом, всем столичным духовенством и боярами, шествовал по вербной аллее к Покровскому собору (то есть к церкви Василия Блаженного) и слушал там позднюю обедню. В это время массы народа любовались на изукрашенное Лобное место, покрытое бархатом и сукнами.

Посредине Лобного места ставился аналой с Евангелием, а рядом с Лобным местом помещалась приготовленная для процессии "осля", в белой суконной попоне, закрывавшей также и голову, и нарядная верба, утвержденная на особых изукрашенных дрогах и убранная подобно тому, как теперь убираются на Рождество елки; на ветвях деревца навешивались разные сласти -- изюм, винные ягоды, орехи, яблоки, прикреплялись искусственные цветы, разные блески и звезды из меди, шумихи.

После обедни государь, патриарх и духовенство выходили на Лобное место, протодьякон читал Евангелие и в соответствующем месте патриарх, взяв в одну руку Евангелие, в другую крест, благословлял государя. Потом патриарх садился на осла, царь брал в руки конец повода, и вся процессия, предшествуемая нарядной вербой, медленно двигалась обратно ко дворцу. Тогда народ падал на колени, и вся площадь затихала в торжественном молчании. Мальчики лет двенадцати, в белых одеждах, числом иногда до тысячи, разбрасывали по пути процессии красные сукна и восклицали: "Осанна!"

Обойдя вокруг главных кремлевских храмов, патриарх или, в более древнее время, митрополит входил снова в Успенский собор и служил обедню. После обедни царь и вельможи обедали у патриарха.

Нарядная верба отдавалась народу. Но прежде от нее ломали ветви для молодых царевичей и царевен.

Так торжественно справлялось в старой Москве Вербное воскресенье, память входа Господня в Иерусалим. Заутреню на этот праздник стояли, как и теперь, с вербами в руках. После заутрени, к которой малых детей не будили, возвратившиеся домой родители и няньки никогда не упускали случая поднять с постели своих любимцев легкими ударами вербы, приговаривая:

-- Что, проспал заутреню! Так вот тебе: верба хлест, бей до слез, верба бела, бей за дело! Ну, будь здоров, как верба! Вставай скорей, к обедне пора.

Наступала Страстная седмица. Эти "страшные" дни проводились в прежнее время людьми в усиленной молитве и посте. Царь Алексей Михайлович принимал пищу только раз за всю неделю, благоговейно ожидая наступления Великого дня.

На Страстной он, как и все его предки -- московские цари, посещал тюрьмы и богадельни, раздавал везде щедрую милостыню, освобождал преступников, выкупал неоплатных должников.

За Страстную по всей Руси готовились к встрече Пасхи. Всюду делали пасхи, пекли куличи, красили яйца, мыли, убирали, чистили. Молодежь и дети старались приготовить к Великому дню как можно лучше и красивее раскрашенные яйца. У хозяек было хлопот полон рот. Еле-еле успевали все приготовить к субботе. В этот день русские города затихали, кажется, еще раньше, чем обыкновенно. Все спешили отдохнуть перед пасхальной заутреней и обедней.

Тихо было на улицах. Ни души. Но это все-таки не была обычная тишина. Внимательный наблюдатель сейчас заметил бы, что это тишина в ожидании чего-то. Ворота дворов заперты, ставни закрыты. Но со дворов доносится на улицу какое-то движение. Сквозь щели ставней пробивается свет. В домах и на дворах делаются спешно последние приготовления к празднику.

Заботливая хозяйка уже приготовила праздничные наряды для всех семейных, сказала, кто останется дома из холопов и домочадцев, кто понесет в церковь куличи и пасхи для освящения, кто будет сопровождать хозяев в церковь.

К одиннадцати часам ночи оживали улицы. Вереницы народа чинно и тихо шли к церквам, где уже началось богослужение -- шла полунощница. В Москве к Кремлю направлялись колымаги и кареты знати -- целые поезда. Знатный человек тогда и в обыкновенное-то время старался обставить свой выезд как можно пышнее, а уж в такой великий праздник, направляясь во дворец, "видеть царские очи", тогдашний боярин подымал на ноги всех своих холопов, зависевших от него бедных дворян, и ехал во дворец целой процессией. Впереди ехали вершники и били в бубны, сгоняя встречных с дороги. Шли скороходы, путь освещали вершники с фонарями. Все были принаряжены, одеты в лучшие кафтаны.

Кремлевские храмы горели огнями, блистали золотом окладов икон, яркостью красок подновленной и обмытой к Великому дню стеной живописи.

Царь слушал полунощницу в "комнате", то есть во внутренних покоях дворца, в так называвшейся "престольной комнате". По окончании полунощницы к этой "комнате" собирались бояре и служилые люди "видеть его великого государя пресветлые очи". Этой высокой чести удостоивались не все, а только ближние государю люди и знатные сановники. У "крюка" комнаты, то есть у дверей, стоял стольник со списком в руке и впускал в комнату, строго сверяясь со своим списком, утвержденным государем, по два в ряд тех лиц из незнатных, которым государь, в виде особой, исключительной милости, тоже позволял приветствовать себя в этот день.

Государь сидел в креслах в обычном шелковом кафтане. Возле него стояли спальники и держали весь царский наряд, который назначался для выхода к пасхальной заутрене. Каждый из входивших в комнату, "узрев пресветлые очи государя, бил челом", то есть кланялся перед ним в землю и, отдав челобитье, чинно возвращался на свое место.

После челобитий начиналось облачение государя в его торжественный наряд.

Царь слушал пасхальную заутреню всегда в Успенском соборе. Его сопровождали в собор бояре и окольные в золотых шубах и в высоких горлатных шапках. Перед царем и его боярами и за ними шли люди различных дворцовых чинов, тоже одетые в нарядные шубы и высокие горлатные шапки.

Все те, кто по своему званию не имел права бить царю челом в его "комнате", стояли по пути царского выхода и приветствовали государя земными поклонами, а потом следовали частью впереди процессии, частью за ней -- как которому чину было указано.

После крестного хода вокруг собора царь входил в храм. За государем входили все бояре и другие высшие чины, а из людей низших чинов допускались только те, на которых были золотые кафтаны. Наблюдать за тем, чтобы "никаков человек без золотых кафтанов и иных чинов и боярские люди с яицы в церковь не входили и чтоб от того в церкви смятения не было", были поставлены у дверей храма стрельцы.

В конце заутрени государь прикладывался к Евангелию и образам и "творил целование во уста" -- христосовался с патриархом и "властями", то есть митрополитами, архиепископами и епископами. Низшее духовенство царь жаловал к руке. И тем и другим царь раздавал красные яйца. Бояре, окольные и все, кто был в соборе, тоже прикладывались к образам, подходили к патриарху, целовали ему руку и получали от него золоченые либо красные яйца: высшие -- по три, средние -- по два, низшие чином -- по одному.

Приложившись к иконам и похристосовавшись с духовенством, государь шел на свое царское место. Бояре, окольные и люди других чинов, похристосовавшись с патриархом, длинной вереницей тянулись к царскому месту. Царь жаловал всех к руке и раздавал яйца, целое блюдо которых держал около особый приносчик, за которым стояли, держа на голове тоже блюда с яйцами, около десятка подносчиков.

Яйца царь раздавал гусиные, куриные и деревянные точеные, тоже по одному, по два и по три, смотря по знатности христосовавшегося с ним. Яйца эти были расписаны по золоту яркими красками в узор или цветными травами, "а в травах птицы, звери и люди", как читаем в старинном описании.

От заутрени из Успенского собора царь шел в Архангельский собор, где прикладывался к иконам и святым мощам и "христосовался с родителями", то есть поклонялся их гробам и клал на гробницы красные яйца.

Из Архангельского собора государь шел уже прямо "наверх", то есть во дворец, и жаловал к руке и яйцами тех бояр и дворян, которые были оставлены во дворце "для береженья". Здесь же поздравляли государя и христосовались с ним те престарелые бояре, которые не могли быть в соборе ради "утеснения людского".

По окончании этой церемонии надо было встретить патриарха, который, в сопровождении духовенства, шел уже к царю -- "славить Христа" и поздравлять с Великим днем. Выслушав славление и приняв поздравление, государь шел вместе с патриархом, боярами и прочими чинами к царице. Царица принимала пришедших в Золотой палате, окруженная своим двором, разными мамками, дворовыми и приезжими боярынями.

Государь христосовался с ней. Патриарх и "власти" благословляли царицу и целовали у ней руку. Чины светские, ударив челом царице, тоже целовали ей руку.

Царица стояла в полном своем наряде, блиставшем золотом и самоцветными камнями. Две боярыни из близких родственниц поддерживали ее под руки.

Обедню государь слушал тоже в Успенском соборе. После обедни государь и патриарх становились рядом, а стольники подносили на блюде освященную пасху и яйца. Патриарх благословлял царя пасхой и сам кушал вместе с ним, а потом подавал пасху боярам и властям.

Между заутреней и обедней царь всегда находил время исполнить древний обычай: он шел в тюрьму и говорил заключенным:

-- Христос воскрес и для вас!

Заключенным от имени царя раздавали одежду и давали чем разговеться. Некоторых, по повелению царя, отпускали на волю. На первый день Пасхи во дворце бывал обед для нищих, убогих и странников.

Следующие дни Пасхи царь принимал поздравления от мастеров различного дела, от торговых людей, от духовенства московских церквей и монастырей. Все поздравлявшие царя подносили ему дары, кто чем богат. Торговые люди подносили золотые, оружейные мастера -- оружие, токари -- свои изделия, троицкие монахи -- образа и деревянную посуду своей работы и т. д. За всю неделю чуть ли не вся служилая Москва успевала перебивать во дворце, а уже из дворцовых служителей не оставалось ни одного, который бы не побывал у государевой руки и не "зрел бы его пресветлые очи". За всю Пасху на раздачу приносившим поздравление уходило около сорока тысяч яиц.

Приходившие с поздравлением депутации допускались во дворец по особому чину, кланялись земно царю и говорили ему обычное пасхальное приветствие:

-- Христос воскрес!

Царь отвечал им милостиво:

-- Воистину воскрес! -- и жаловал к руке, спрашивая некоторых, в знак особой милости, "о здоровье".

Тут же подносились царю и дары. Суетня среди пришедших поздравителей господствовала немалая. Непривычная обстановка, желание скорей видеть царя выбивали людей из колеи, они теснились, толкались, наперерыв стремясь к государю. При этом случались и неприятности. Так, в 1670 году, в пятницу на Святой, государь пожаловал рубль в знак высокой милости насмешившему его некоему Ваське Носу, сторожу при дворцовой конюшне, для того, что он расшиб себе бровь о голову товарища, стремясь прежде его поцеловать царскую руку.

Во всю Светлую неделю, как и теперь, целыми днями до вечерен звонили непрестанно колокола. Гармоничный, могучий звон придавал особую торжественность дням Пасхи.

Наступающая весна, солнце, пробивающаяся по пригоркам зелень, тепло придают Пасхе характер весеннего праздника.

Приветствие воскресающей от зимнего сна природы русские люди издавна привыкли соединять с пасхальными днями.

"Ныне солнце, красуясь, к высоте восходит и, радуясь, землюогревает... Лед растаясь... Весна красуется, оживляючи земное естество, и горные ветры, тихо повевающе, плоды наливают, и земля зеленую траву рождает... Древа почки испущают, и цветы благоухания процветают... Реки наводняются... Птицы веселятся" -- так говорил старинный русский проповедник в слове своем на Великий день.

Еще с 25 марта по всей старой Руси девушки начинали петь веснянки, перекликаясь хором с хором:

Пройдет зимушка холодная,

Вот наступит весна красная,

Потекут да речки быстрые,

Зацветут в рощах деревьяца,

Запогуркивают голуби,

Запосвистывает соловьюшка...

Как только один хор кончит, начинает вдали другой, и так неслись весенние песни от села к селу, с одного конца улицы на другой и звали весну красную, чтобы пришла она с милостью, принесла лето теплое.

Малые ребята, насидевшись за зиму в душных избах, уже большую часть дня вертятся на улице и поют свой призыв весне:

Солнышко, ведрышко,

Выгляни в окошечко!

Твои детки плачут.

Солнышко, покажись,

Красное, снарядись...

Толпы молодежи проводят все дни Пасхи на улице, за селом, где уже нет снега и на пригорках показалась первая травка. На любимом пригорке всю неделю звучит смех и поют песни. Люди степенные, старички и старушки, навестив на кладбищах могилы усопших родителей и похристосовавшись с ними, выползают на завалинки и греются на солнце. Щеголи и щеголихи прогуливаются в богатых нарядах. Все христосуются, поздравляют друг друга с праздником, заходят в гости отведать пасхи и кулича, пожелать хозяевам счастья.

Много домов приходится обойти иному общительному человеку. Везде его угощают, везде надо бывает выпить чарку-другую крепкого меду, отведать пасхи и кулича хозяйкиного приготовления. Не отведать нельзя -- кровно обидится хозяйка, положившая все свое искусство на то, чтобы пасхальные яства удались на славу.

Причты церковью обходят дома своих прихожан. Везде славят Христово Воскресение и с пением пасхального песнопения "Христос вос-кресе из мертвых..." переходят из дома в дом. К причту присоединяются любители церковного пения, и пасхальный гимн победы над смертью громко звучит навстречу пробуждающейся природе.

Всю пасхальную неделю на улице праздник: ребята катают яйца, бьются яйцами, дразнят проспавших заутреню, укоряют их, как они, этикие сони, даже под Великий день проснуться не могли и не видели, как солнце на восходе, радуясь Великому дню, играло лучами, то свивая их, то пуская широко по всему небу. Слепые нищие, пригревшись на солнце возле храмов и на перекрестках, поют пасхальный стихирь вместо обычного заунывного "Лазаря" и собирают обильную дань яйцами.

К празднику набираются в города медвежатники со своими учеными мишками и на потеху толпе заставляют воспитанников показывать всю их нехитрую науку. На площади шумят уже во всю улицу скоморохи, гудошники, гусяры, собирая около себя толпу празднично настроенного люда.

Молодежь постарше занималась в пасхальное время особенно усердно качелями. Так уж исстари повелось, что любимым пасхальным удовольствием было покачаться на качелях. Качались в огороженных строго-настрога от всякого нескромного глаза садах царевны и боярышни со своими сенными девушками и подружками, качалась у себя в садах и за околицей молодежь посадская и крестьянская. Высоко взлетали в воздух доски качелей, отовсюду несся смех, крики радости, веселья, лилась веселая песня, тренькала балалайка, а над всем этим весельем праздника праздников, все покрывая, но не заглушая, стоял торжественно-веселый благовест колоколов.

Любители церковного звона наперерыв рвались на колокольни и друг перед другом выказывали свое искусство, трезвоня во славу Пасхи и весны.